

и примечаниями, которые призваны подсказать, как именно следует понимать это выражение.

Оригинал Мк 1:1 выглядит так: Ἀρχὴ τοῦ εὐαγγελίου Ἰησοῦ Χριστοῦ υἱοῦ θεοῦ 'Начало Евангелия Иисуса Христа, Сына Божия' (сейчас мы не будем разбирать текстологический вопрос, содержала ли изначальная версия последние два слова, и возьмем за основу именно такой канонический вариант). В издании 2003 г. это место было передано так: *Вот начало Радостной Вести об Исе Масихе, Сыне Всевышнего (Избранном Царе).*

В 2009 г. вышло второе издание этого перевода, в котором были исправлены некоторые погрешности, прежде всего стилистические. Здесь Мк 1:1 несколько изменилось: *Вот начало Радостной Вести об Исе Масихе, (вечном) Сыне Всевышнего.* В любом случае переводчики не решились перевести просто *Сын Всевышнего*, но добавили к этому выражению определения, призванные показать, что речь идет не о сыновстве в физиологическом смысле.

У перевода есть свой сайт в интернете (<http://www.slovocars.org>), где он назван «Восточным переводом». Надо сказать, что он достаточно популярен, причем не только среди читателей из народов с исламской культурой; этот перевод стал первым приемлемым по качеству «смысловым» переводом полной Библии на русский язык, опередив и БМБО и БСР, о которых речь пойдет дальше, — и потому привлек читателей, стремившихся получить именно такой перевод.

3.4.4. Перевод свидетелей Иеговы (ПНМ)

Переводы, о которых шла речь выше, несли на себе явный отпечаток протестантского отношения к миссии и переводу Писания в целом, но они совершенно не были конфессиональными, не отражали взгляда какой-то христианской деноминации на библейский текст. Но и такой перевод появился. Речь идет о выполненном свидетелями Иеговы «Переводе Нового мира» (ПНМ). По сути, речь идет о русской локализации их конфессионального английского перевода, вышедшего впервые в 1950 г. (The New World Translation of the Holy Scriptures). И если перевод БСП тоже явно делался не столько с языков оригинала, сколько с некой английской версии (на данный момент трудно утверждать, какой именно), то он это никак не афишировал.

А вот ПНМ есть именно что локализация — русская версия английского перевода, которая в идеале должна полностью повторять

все его экзегетические и переводческие решения, насколько это позволяет сделать русский язык. В 2001 г. вышел вариант НЗ на русском, в 2007 — полная Библия (впрочем, издатели говорят о «Еврейско-арамейских Писаниях» и «Христианских Греческих Писаниях» вместо ВЗ и НЗ соответственно).

Уникальность этого перевода еще и в том, что его разбору, а точнее, апологии была посвящена отдельная книга норвежского лингвиста Рольфа Фурули²⁹, переведенная и на русский язык. У нас, таким образом, есть возможность судить не только об этом труде, но и о мотивах их выбора — Фурули подробно их раскрывает и обсуждает. Собственно, разговор о ПНМ удобно построить вокруг его апологии этого перевода. Она, разумеется, не о русской версии, Фурули выпустил свой труд на английском в 1999 г., еще до появления ПНМ на русском, но поскольку это действительно локализация, то практически все, сказанное им об английской версии относится и к русской.

Сначала — о теоретических основаниях. Фурули упоминает исключительно динамическую эквивалентность, чего для конца 1990-х уже совсем недостаточно. Но даже в эту теорию его конкретика никак не вписывается. В самом начале Фурули выносит такое определение о ПНМ: «От основных библейских переводов он отличается динамизмом при переводе греческих и еврейских глаголов, живой передачей традиционных и знакомых оборотов и специфическим переводом мест, традиционно используемых для поддержания учения о Троице. Будучи абсолютно буквальным, скрупулезно придерживаясь синтаксического строя еврейского и греческого языков, он одновременно содержит ряд изящных идиоматических оборотов»³⁰.

Доказательству этого тезиса и посвящена вся остальная книга, но ведь он выглядит абсурдно: никакой перевод не может одновременно отличаться динамизмом и быть абсолютно буквальным! Тут уж либо одно, либо другое. Впрочем, далее Фурули предлагает собственную теорию перевода, которая настолько наивна, что в прошлой главе не имело смысла ее упоминать.

Главное положение Фурули заключается в том, что основной единицей перевода должно являться отдельно взятое слово, а не фраза, как в «идиоматических» (смысловых) переводах. В идеале каждому слову оригинала везде должно соответствовать одно и то же слово пе-

²⁹ Фурули 2011.

³⁰ Фурули 2011:12.

ревода, и наоборот: одному слову перевода — одно слово оригинала³¹. Выгода очевидна: «ПНМ и другие буквальные переводы, точно следующие структуре предложений греческого, еврейского и арамейского языков, предполагают больше усилий со стороны читателей, зато последние получают возможность видеть детали и нюансы исходного текста, утраченные во многих идиоматических переводах»³². Иными словами, такие переводы могут быть несколько сложны для понимания, зато читатель может быть уверен, что переводчик не внес ничего от себя, все заключения он предоставил делать самому читателю. В особенности это касается богословски значимых мест.

Однако Фурули делает важную оговорку: в целом ряде случаев значение текста определяется путем его анализа, причем конкретные выводы из такого анализа будут в значительной мере зависеть от взглядов переводчика. Например, текст Евр 1:8 с чисто лингвистической точки зрения понимается либо как *престол Твой, Боже* (так в СП, и тогда Сын явно называется Богом), либо как *Бог будет твоим престолом* (так в ПНМ, и тогда Сын Богом не называется). Переводчику приходится выбирать одну из интерпретаций³³.

Но даже там, где текст оригинала вполне ясен, приходится иногда отступать от принципа дословности. Вот, например, перевод Нав 7:6 в версии ПНМ: *пал ниц пред ковчегом Иеговы и лежал на земле до вечера*. В оригинале нет двух глаголов «пал...и лежал», там употреблено только одно слово פָּלַץ. Фурули дает этому переводу такую оценку: «...довольно топорный, но у него есть неоспоримое преимущество: он не только передает всю гамму значений еврейского глагола в русском языке, но и дает понять наблюдательному читателю, что в индоевропейских языках глаголы пунктуальны и моментальны, тогда как в еврейском могут обладать продолжительностью»³⁴. С точки зрения глобальных выводов о «пунктуальных и моментальных» глаголах это звучит некорректно, но общий смысл понятен: иногда действие, выраженное одним словом, в переводе приходится передавать двумя. Вообще-то это азы, которым учатся еще в школе.

В целом ряде случаев такие дополнения и уточнения будут иметь богословское значение. Фурули на предлагает правило: такой выбор

³¹ Фурули 2011:87.

³² Фурули 2011:57.

³³ Фурули 2011:59–60.

³⁴ Фурули 2011:65.

будет считаться предвзятым «в случае, когда нет убедительных лингвистических оснований... если выбранное прочтение поддерживает конкретную богословскую позицию, делая это без ведома читателя и не представляя альтернатив»³⁵. Трудно однозначно сказать, какие именно лингвистические основания будут сочтены убедительными, поскольку убедительность — тоже субъективная вещь. Может быть, Фурули имеет в виду лингвистическую неоднозначность текста. Случай с «пал ниц и лежал на земле» вполне однозначен, никто в здравом уме не может предложить здесь иного прочтения, поэтому такой перевод не вызывает возражений.

Но если некоторый текст в своем контексте может иметь больше одного разумного прочтения, переводчик неизбежно делает выбор. Если такое место имеет богословское значение, разумеется, переводчик выберет то прочтение, которое согласуется с его богословием, но, пользуясь критерием Фурули, он может избежать обвинения в предвзятости, если предоставит читателю альтернативное прочтение. Заметим, что это вовсе не относится к тем случаям, когда переводчик сознательно искажает текст, приписывая ему значение, вовсе не обоснованное для данного места.

Теперь перейдем к анализу спорных мест данного перевода. Фурули приводит подробный и аргументированный анализ многих подобных мест, и всего на паре примеров удобно проверить, пользуясь предложенным выше критерием, насколько предвзятыми или, напротив, обоснованными можно считать решения, принятые создателями ПНМ.

Важнейшее для свидетелей Иеговы имя *Иегова* (англ. *Jehovah*), как давно известно, является результатом банальной ошибки. Именно так было транскрибировано на европейские языки написание יהוה, которое часто встречается в еврейском тексте Библии. Это имя мы видим в еврейском тексте Исх 3:14, и вполне естественно, что неискушенные читатели воспринимают его как имя Бога.

Но такое его написание в свою очередь появилось достаточно поздно как результат подстановки огласовок от слова יהוה к буквам имени יהוה (так называемое «постоянное кере»). В результате получилось начертание יהוה, если применить к нему обычные правила чтения, получится что-то вроде *Йехова, Jehovah* — но так это имя не про-

³⁵ Фурули 2011:81.

износил в исторически известный нам период никто и никогда. Евреи при чтении текста произносили יהוה 'мой Господь', и во всех доступных нам новозаветных рукописях мы встречаем в соответствующих местах греческое слово κύριος 'Господь'.

Кстати, интересно, что в старейшем полном списке еврейской Библии, Ленинградском кодексе, это начертание не единственное. Например, в 3 Цар 2:26 встречается странный вариант יהוה, если читать его как обычное слово, получится что-то вроде *Йехови* (подобные начертания есть и в других местах). Перед именем Бога в этом месте стоит написание יהוה, и, согласно еврейской традиции, в этом случае имя прочитывается как слово יהוה 'Бог', а значит, и огласовки получает именно от этого слова. И никто никогда не утверждал, что имя *Ехови* действительно существовало и будто бы являлось самым древним.

Но для свидетелей Иеговы этот вопрос имеет вероучительное значение: с их точки зрения, имя *Иегова* (англ. *Jehovah*) идентично тому имени, которое было некогда открыто Богом Моисею. Чтобы утверждать это, нужно доказать, что именно такое произношение является изначальным, подлинным. Именно это и старается сделать Фурули, но, на мой взгляд, совершенно не убедительно³⁶.

Однако вернемся к тексту ПНМ. Греческие слова κύριος и θεός прекрасно известны и имеют давно устоявшиеся русские эквиваленты: *Господь* и *Бог*. Казалось бы, в полном соответствии с принципами буквального перевода ПНМ должен был бы так их и передавать — но в Новом Завете появляется имя *Иегова*, начисто отсутствующее в греческом оригинале. Как утверждают создатели перевода, они используют его только в тех случаях, где цитируется ВЗ (в их терминологии — Еврейские Писания). Однако, как отмечает и сам Фурули, переводчики далеко не ограничиваются такими случаями. Например, в Мф 1:22 говорится «реченное Господом через пророка», и в ПНМ мы находим здесь имя *Иегова*, хотя это не цитата, разумеется, а собственные слова евангелиста. Фурули сообщает в оправдание этого выбора, что «есть только одна личность, у которой есть пророки и которая говорит через них — это $\Upsilon\text{H}\text{W}\text{H}$ »³⁷ ($\Upsilon\text{H}\text{W}\text{H}$ — еще один вариант написания имени Иегова).

³⁶ Фурули 2011:163–164.

³⁷ Фурули 2011:125.

То есть принцип дословного перевода отменяется в данном случае начисто. Более того, создатели ПНМ 237 раз (!) «восстанавливают» имя *Иегова* в НЗ, и, по мнению Фурули, они имеют на это полное право.

Но есть у ПНМ и еще более интересная черта. Если всюду в НЗ добавляется имя *Иегова*, даже там, где речь идет не о ветхозаветных цитатах, отчего же в некоторых отдельных случаях оно не появляется и там, где цитаты как раз налицо? Например, в 1 Петр 2:3 почти дословно цитируются слова Пс 33:9 «вы вкусили, что благ Господь», причем в еврейском тексте стоит имя Божье. Казалось бы, совершенно ясный случай, здесь тоже можно ожидать имя *Иегова*... Но его в ПНМ нет. Отчего же так? Фурули объясняет³⁸: в псалме содержится призыв «вкусите и увидите, как благ Господь», а в послании речь идет об уже состоявшемся действии. Это действительно так, но цитаты в НЗ вообще достаточно редко дословно повторяют ветхозаветный текст, и нередко они как раз понимаются как уже исполнившееся событие.

Может быть, причина в чем-то другом? Слова послания ясно относятся ко Христу, именно Он там назван Господом, как это и было принято у христиан с самого начала. Но для свидетелей Иеговы принципиально важно провести разницу между Богом и Христом, между Иеговой и Иисусом, так что здесь они избегают такого отождествления, явно нарушая собственные «восстановительные» принципы. Иными словами, ПНМ подгоняет текст под вероучение его создателей.

Сходный случай — самое начало Евангелия от Иоанна (1:1). В ПНМ оно выглядит вполне традиционно, если не считать больших и малых букв: *В начале было Слово, и Слово было с Богом, и Слово было богом*. То есть речь идет о двух разных Богах/богах: Слово было с Тем, Кого и можно называть Богом безо всяких оговорок, но при этом само Слово было «богом» в каком-то переносном смысле. Причина такого понимания, как объясняет Фурули³⁹, в том, что слово θεός 'Бог/бог' употреблено в первом случае с артиклем, а во втором — без него. Таким образом постулируется: везде, где слово θεός употребляется без артикля, оно обозначает «бога» в каком-то переносном смысле.

Но это совершенно очевидным образом не так. В той же самой главе слово θεός употребляется многократно, и нередко как раз без артикля: «человек, посланный от Бога» (ст. 6), «власть быть чадами

³⁸ Фурули 2011:218.

³⁹ Фурули 2011:223 и далее.

Божиими» (ст. 12), «от Бога родились» (ст. 13), «Бога не видел никто никогда» (ст. 18). Тут же мы найдем сходные выражения и с артиклем: «вот Агнец Божий» (ст. 29 и 36), «Сей есть Сын Божий» (ст. 34), «Ты Сын Божий» (ст. 49), «будете видеть небо отверстым и Ангелов Божиих восходящих и нисходящих» (ст. 51). Неужели в одних случаях имеется в виду бог в переносном смысле слова, а в других — настоящий Творец? Разумеется, нет. Такая картина вообще типична для новозаветных текстов, наличие или отсутствие артикля не играет здесь существенной роли (точно так же и в ВЗ слово אֱלֹהִים 'Бог' может употребляться как с артиклем, так и без). Более того, нетрудно назвать и причину, по которой в 1-м стихе второй раз слово θεός употребляется без артикля: там оно выступает в качестве составной части именного сказуемого, а в такой позиции в греческом существительные употребляются без артикля.

Все разъяснится, если мы обратимся к вероучению свидетелей Иеговы: Христос, Который и назван здесь Словом, для них вовсе не равен Отцу и может быть назван «богом» только в переносном смысле. Снова подгонка под заранее заданный результат.

Но самый яркий пример, пожалуй, это Кол 1:16. В СП мы читаем: *ибо Им создано все, что на небесах и что на земле, сходно выглядят и другие традиционные переводы. Это сказано о Христе, и, казалось бы, текст предельно ясен: Христос — Творец этого мира. ПНМ находит «блестящий» выход из этой ситуации, добавляя всего одно слово: *Посредством его сотворено все остальное на небе и на земле. То есть Христос тоже сотворен, Он лишь посредник в творении «остального».* Разумеется, ни в одной рукописи нет ни одного слова, которое можно было бы перевести как «остальное», это чистой воды добавка переводчиков, радикально меняющая смысл стиха.*

Но Фурули настаивает, что такой перевод вполне возможен, поскольку греческое слово πᾶς 'все' якобы подразумевает 'всё остальное'⁴⁰. На самом деле, как и в других языках, само по себе это слово такого значения не имеет, оно может привноситься из контекста, но здесь такого контекста просто нет.

Аргументация Фурули в этом и подобных местах сводится в основном к тому, что такие замены служат раскрытию имплицитной (подразумеваемой) информации и вполне оправданны с точки зре-

⁴⁰ Фурули 2011:273.

ния переводческой теории и практики. Это совершенно не сочетается с декларируемой буквальностью перевода, но основная проблема не в этом: такие замены вообще не вписываются в теорию и практику перевода, предполагающего по возможности точное и полное следование оригиналу. Это подмены, искажающие смысл текста, причем в ключевых местах.

Мы задержались так подробно на разборе примеров из ПНМ и их апологии у Р. Фурули только потому, что ни на каком другом известном мне примере невозможно увидеть так ясно, как переводчик может сознательно исказить смысл переводимого текста, а «независимый эксперт» — оправдывать эти искажения, пользуясь научной фразеологией (но никак не научным методом).

ПНМ — перевод с сознательными искажениями текста, и этого уже достаточно, чтобы не обсуждать его стилистические и прочие особенности, а отвергнуть в целом.

3.4.5. Перевод МБО (БМБО)

Это самый незаметный из новых переводов — он появился в свет в 2007 г. без каких-либо объявлений или рекомендаций переводчиков, на его обложке не найти никакого названия этого перевода (там стоит просто слово «Библия»), его практически невозможно найти в книжных магазинах, то же самое касается и последующих тиражей. Вообще, возникает ощущение, что его создатели и издатели сделали все от них зависящее, чтобы никто этот перевод не заметил. И если такова была их цель, они, надо признать, добились успеха.

Но сам перевод отнюдь не заслуживает быть забытым в день своей публикации. Он был выпущен Международным библейским обществом, как и перевод СЖ, и его НЗ часть, собственно, и есть отредактированная версия СЖ (именно поэтому она так похожа на ЦАР, хотя в ней, конечно, нет «восточного» колорита). ВЗ был переведен самостоятельно, и с ЦАР тут совпадений немного.

В предисловии к изданию методы его создателей обозначены в самых общих словах, зато рассказано о некоторых конкретных приемах. Например, предисловие сообщает, что «слова, отсутствующие в текстах оригинала», выделены курсивом (это довольно редко встречается в современных изданиях, другой такой пример — НЗК). Но курсив в тексте встречается исключительно редко, например, в Деян 18:12 (здесь он передан подчеркиванием): *Во (sic!) то время, когда Галли-*